

© С. Л. Корчикова, 2000

С.Л. Корчикова

**ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА**

Статья 9

**ФУТУРИСТЫ. ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ.
ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН. ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ**

«Дорогой друг и храбрый авиатор Вася! Приезжай скорей в Москву, чтобы ударить с новой силой. «Сарынь на кичку!»¹. Пора. Прибыли и записались новые борцы – Володя Маяковский и Алексей Крученых. Эти двое очень надежные. Особенно Маяковский, который учится в школе живописи вместе со мной. Этот взбалмошный юноша – большой задира, но достаточно остроумен, а иногда сверх. Дитя природы, как ты и мы все. Увидишь... Дикий самородок горит самоуверенностью... Рвется на пьедестал борьбы за футуризм. Необходимо скорей действовать. Бурно! В Питере гремит Игорь Северянин. Слышал? Вези «Разина». Торопись. Лети курьерским. Давид Бурлюк».

Так писал осенью 1913 года один из пламенных энтузиастов нового направления в литературе и живописи художник и поэт Давид Бурлюк другому энтузиасту – одному из первых русских летчиков, конструктору первого в России глissера, специалисту по сельскому хозяйству, поэту, художнику, редактору и актеру в одном лице – Василию Каменскому.

Вскоре после встречи в Москве состоялось «боевое крещение»: на Кузнецком мосту появились, медленно и важно шагая и читая стихи, трое необычно одетых молодых людей с деревянными ложками в петлицах: Каменский в парижском костюме цвета какао, обшитом золотой парчой, с нарисованным на лбу самолетом; Бурлюк в сюртуке, желтом жилете с серебряными пуговками и в

цилиндре, с нарисованной на щеке собачкой, которая шевелила хвостиком, когда он говорил; Маяковский в кофте апельсинового цвета. Когда толпа любопытных плотно обступила поэтов, Бурлюк рявкнул: «Перед вами гениальные поэты-новаторы, футуристы: Маяковский, Каменский, Бурлюк. Мы открываем Америку нового искусства». Под свист, хохот, возмущенные возгласы и аплодисменты все трое с невозмутимыми лицами читали свои стихи, говорили о новом искусстве, отвечали на вопросы, вызывая к себе все больший интерес.

Окрыленные успехом, поэты повторили поход на другой день, и очень скоро это вылилось в ежедневные шествия. Футуристы появлялись на улицах, площадях, в ресторанах, кафе, пивных, трактирах, в театрах, на вокзалах – везде, где были люди, и интерес к ним возрастал.

11 ноября 1913 года состоялось первое выступление футуристов в Политехническом музее, куда ломилась огромная толпа, с которой не могла справиться полиция. Вечер вел Маяковский, мгновенно отражая остроумными и меткими ответами нападки публики, которая то свистом, то аплодисментами встречала стихи разных поэтов и доклады о новом искусстве – Маяковского «Достижения футуризма», Бурлюка «Пушкин и Хлебников».

Вскоре после этого вечера начинается победное шествие футуристов по городам России: Харьков, Симферополь, Севастополь, Керчь, Одесса, Николаев, Казань, Самара, Тбилиси, Минск, Ростов-на-Дону, Баку, Саратов...

Обо всем этом вспоминает в своей книге «Жизнь с Маяковским» (1940) Василий Каменский (1884-1961).

Кто такие футуристы и чего они хотели?

Слово «футуризм» происходит от латинского слова «futurum» (будущее). Новое те-

¹«Сарынь на кичку!» – возглас волжских разбойников при нападении на речное судно, приказание экипажу (или бурлакам) отправляться на нос, чтобы не мешали грабить. Сарынь (обл., калм.) – толпа, сброд, матросня. Кичка – нос судна. Бурлюк употребляет это выражение как «разбойный» клич, собирающий команду единомышленников.

чение в искусстве с таким названием пришло к нам из Италии (там оно возникло в 1909 г.) и объединило молодых поэтов и художников устремлением в будущее, желанием создать новые формы в искусстве и сделать его достоянием масс. Хлебников дал футуристам название – «будетляне».

Горя жаждой новизны и стремлением «всколыхнуть болото», молодые и задорные люди провозглашали: «Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода Современности... Всем этим Максимумам Горьким, Куприным, Блокам, Сологубам, Ремизовым, Аверченкам, Черным, Кузминым, Буниным и проч. и проч. нужна лишь дача на реке. Такую награду дает судьба портным», – так писали они в Манифесте 1912 г. «Пощечина общественному вкусу». Отрекаясь от традиций, футуристы разрушали ритм стиха, отказывались от точной рифмы, иногда от знаков препинания, изобретали новые слова, бросая тем самым вызов и Золотому, и Серебряному веку.

А в отношениях с публикой они нередко нарушали этические нормы, намеренно поражая и возмущая ее скандальными выходками. Например, в кабачке богемы «Розовый фонарь» Маяковский с художниками Ларионовым и Гончаровой устроили веселый дебош с битьем графинов и бутылок, и Маяковский читал свое знаменитое «Нате!»

... А если сегодня мне, грубому гунну,
кривляться перед вами не захочется –
и вот

я захохочу и радостно плюну,
плюну в лицо вам
я – бесценных слов транжир и мот.

Невзирая на оглушительный свист, поэт радостно кричал: «Еще! Еще! Дайте насладиться идиотами!»

Можно также представить себе реакцию публики на выступления Василия Каменского с чтением поэмы «Степан Разин»:

.....
Дрожат берега.
Раскатилась река.
Раззудилась рука
казака –
Степана
Свет Тимофеевича
Разина.

Сарынь на кичку!
Мрази, на!
Разуваживай гостей.
Эй, глуши,
Свисти,
Кистень.
По царевым медным лбам.
Бам!
Бам!
Бам!

Бацк!
Буцк!
Лязг!
Мызг!
Хряст!
Хруст!
Ряск!
Вдрызг!

Бам!
Вам!
Дам!
.....
Захурдычивай да в жордупту,
По зубарам сыпь дубиношшом.
Расхлобысть твою, ой, в морду ту,
Размордачай в лоб рябинушшом.

Справедливости ради надо оказать, что Каменскому свойственны не только грубые выражения (естественные в поэме о Разине): очень нежные слова бравый летчик в полете заходит для своих «песнеянок»:

Полет в облаках

В небе – крылья, песнепьянство:
Песнеянки босиком
Расцветанием цветанствую,
Тая нежно
Снежный ком.
Визгом, смехом,
Криком, эхом,
Расплесканием с коней,
Утроранным росомехом
На игривых
Гривах дней,
Со звенчальными звенчалками
Зарерайских тростников
Раскачают
Раскачалками
Грустнооких грустников.
Небо веснит –
Манит далями,
Распыляя сок и мед,
Завивая завуалями,

Раскрыляет мой полет.
Путь беспутный –
Ветровеющим
К песнеянкам босиком
Я лечу
Солнцеалеющим,
Таю нежно
Снежный ком.

А вот и звукоподражание с игнорированием знаков препинания (а зачем они? Ведь ручей не знает остановок).

Чурлю-журль

Звенит и смеется
Солнится весело льется
Дикий лесной журчеек
Своевольный мальчишка:
Чурлю-журль
Чурлю-журль.
Звенит и смеется
И эхо живое несется
Далеко в зеленой тиши
Корнистой глуши:
Чурлю-журль
Чурлю-журль.
Звенит и смеется
Отчего никто не проснется
И не побежит со мной
Далеко в разгулье:
Чурлю-журль
Чурлю-журль.
Смеется и солнится
С гор несет песню
И не видит лесная лесинка
Низко нагнулась над ним.
И не слышит цветинка
Песню ответную
Еще зовно зовет:
Чурлю-журль
Чурлю-журль.

Вообще в словотворчестве, видя одну из своих главных задач в создании нового поэтического языка, футуристы особенно изощрялись. Больше всего это проявилось в стихотворениях Василия Каменского, Игоря Северянина, Велимира Хлебникова, не говоря уж о таком «поэтическом экстремисте», как Алексей Крученых, поэт и теоретик футуризма, который дал такую инструкцию стиха:

дыр бул щил
убещур

скуп
вы со бу
р л эз

При этом он уверял, что «в этом пятистишии больше русского национального, чем во всей поэзии Пушкина».

Нужно заметить, что футуристы внесли новое не только в поэтический язык. Когда появились самолеты, называвшиеся в те времена аэропланами, лучшие умы занялись поиском русского эквивалента иноязычным названиям водителя самолета – *авиатор*, *пилот*. Из многих предложенных слов — *летун*, *летала*, *летач*, *летень* – прочно вошло в обиход и сохранилось до наших дней слово, изобретенное Хлебниковым, – *летчик*.

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ (1893-1930)

«Я – поэт. Этим и интересен», – так начинает Маяковский свои воспоминания в произведении «Я сам». Приводим отрывки, относящиеся к 1912 году.

Давид Бурлюк

В училище² появился Бурлюк. Вид наглый. Лорнетка. Сюртук. Ходит напевая. Я стал задирать. Почти подрались.

В курилке

Благородное собрание. Концерт. Рахманинов. Остров мертвых. Бежал от невыносимой мелодизированной скуки. Через минуту и Бурлюк. Расхохотались друг в друга. Вышли шлаться вместе.

Памятнейшая ночь

Разговор. От скуки рахманиновской перешли на училищную, от училищной – на всю классическую скуку. У Давида – гнев обогнавшего современного мастера, у меня – пафос социалиста, знающего неизбежность крушения старья. Родился российский футуризм.

Следующая

Днем у меня вышло стихотворение. Вернее – куски. Плохие. Никогда не напечатаны. Ночь. Сретенский бульвар. Читаю строки Бурлюку. Прибавляю — это один мой знакомый. Давид остановился. Осмотрел меня. Рывкнул: «Да это же ж вы сами написали! Да вы же ж гениальный поэт!» Применение ко мне такого грандиозного и незаслуженного эпитета обрадовало меня. Я весь ушел в стихи. В этот вечер совершенно неожиданно я стал поэтом.

Бурлючие чудачество

Уже утром Бурлюк, знакомя меня с кем-то, басил: «Не знаете! Мой гениальный друг. Знаменитый поэт Маяковский». Толкаю. Но Бурлюк непреклонен. Еще и рычал на меня, отойдя: «Теперь пишите. А то вы меня ставите в глупейшее положение».

Так ежедневно

Пришлось писать. Я и написал первое (первое профессиональное печатаемое) – «Багровый и белый» и другие.

Прекрасный Бурлюк

Всегдашней любовью думаю о Давиде. Прекрасный друг. Мой действительный учитель. Бурлюк сделал меня поэтом. Читал мне французов и немцев. Всовывал книги. Ходил и говорил без конца. Не отпускал ни на шаг. Выдавал ежедневно 50 копеек. Чтоб писать не голодая.

На Рождество завез к себе в Новую Маячку. Привез «Порт»³ и другое.

«Пощечина»

Из Маячки вернулись. Если с неотчетливыми взглядами, то с отточенными темпераментами. В Москве Хлебников. Его тихая гениальность тогда была для меня совершенно затемнена бурлящим Давидом. Здесь же вился футуристический иезуит слова – Крученых.

После нескольких ночей лирики родили совместный манифест. Давид собирал, переписывал, вдвоем дали имя и выпустили «Пощечину общественному вкусу».

²Училище живописи, ваяния и зодчества.

Дав Маяковскому «путевку в жизнь», Бурлюк не ошибся: ошеломляющие образы, смелость словосочетаний, новизна рифм, акцентный стих⁴, стих «лесенкой», ораторские интонации – все это обеспечило Маяковскому видное место в русской поэзии.

Приведем некоторые его стихотворные произведения времен футуризма.

Кофта фата

Я сошью себе черные штаны
Из бархата голоса моего.
Желтую кофту из трех аршин заката.
По Невскому мира, по лощеным
полосам его
профланирую шагом Дон-Жуана и фата.
Пусть земля кричит, в покое обабившись:
«Ты зеленые весны идешь насиловать!»
Я брошу солнцу, нагло ослабившись:
«На глади асфальта мне хорошо
грассировать⁵!»

Не потому ли, что небо голубо,
а земля мне любовница в этой
праздничной чистке,
я дарю вам стихи, веселые, как би-ба-бо⁶,
и острые и нужные, как зубочистки!
Женщины, любящие мое мясо, и эта
девушка, смотрящая на меня,
как на брата,
закидайте улыбками меня, поэта, –
я цветами нашью их мне на кофту фата!

А вот отрывки из поэмы «Флейта-позвоночник», в которой выплеснулся мощный лирический дар Маяковского:

Тебя пою,
накрашенную,
рыжую.
Может быть, от дней этих
жутких, как штыков острия,
когда столетия выбеляют бороду,
останемся только
ты
и я,
бросающийся за тобой от города к городу.

³«Порт» – одно из первых стихотворений Маяковского.

⁴Акцентный, или тонический стих – стих, не связанный с обязательным равномерным количеством слогов в строках, главное – ударные слоги.

⁵Грассировать (франц. *grasseyer*) – картавить, произносить звук «р» на парижский манер.

⁶Би-ба-бо – род куклы, забавная игрушка.

Будешь за море отдана,
спрячешься у ночи в норе –
я в тебя вцелую сквозь туманы Лондона
огненные губы фонарей.

В зное пустыни вытянешь караваны,
где львы начеку, –
тебе
под пылью, ветром рваной,
положу Сахарой горящую щеку.

Улыбку в губы вложишь,
смотришь –
тореадор хорош как!
И вдруг я
ревность метну в ложи
мрущим глазом быка.

.....
Быть царем назначено мне –
твое личико
на солнечном золоте моих монет
велю народу:
вычекань!

А там,
где тундрой мир вылинял,
где с северным ветром ведет река торги, –
на цепь нацарапаю имя Лилино
и цепь исцелую во мраке каторги.

.....
Ямами двух могил
Вырылись в лице твоём глаза.

Могилы глубятся.
Нету дна там.
Кажется,
рухну с помоста дней.
Я душу над пропастью натянул канатом,
жонглируя словами, закачался над ней.

.....
Знаю,
каждый за женщину платит.
Ничего,
если пока
тебя вместо шика парижских платьев
одену в дым табака.

Любовь мою,
как апостол во время оно,
по тысяче тысяч разнесу дорог.
Тебе в веках уготована корона,
а в короне слова мои –
радугой судорог.

.....
Сердце обокравшая,
всего его лишив,

вымучившая душу в бреде мою,
прими мой дар, дорогая,
больше я, может быть, ничего
не придумаю.

В праздник красьте сегодняшнее число.
Творишь,
распятью равная магия.
Видите –
гвоздями слов
прибит к бумаге я.

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН (1887-1941)

Если стихи Маяковского можно уподобить грохоту камней, осыпающихся с гор, то стихи Северянина – это праздничный фейерверк, брызги шампанского, шелест муарового платья, мороженое из сирени, фиалковый ликер... Популярность Северянина была так велика, его «поэзоконцерты вызывали такой ажиотаж, что это позволило ему царственно провозгласить:

Я, гений Игорь Северянин,
Своей победой упоен:
Я повсеградно озкранен!
Я повсесердно утвержден!

Вот как вспоминает о «поэзоконцертах» Северянина поэт Всеволод Рождественский:

«Поэт появлялся на сцене в длинном, узком в талии сюртуке цвета воронова крыла. Держался он прямо, глядел в зал слегка свысока, изредка встряхивая нависающими на лоб черными, подвитыми кудряшками. Лицо узкое, по выражению Маяковского, вытянутое «ликерной рюмкой» («Облако в штанах»). Заложив руки за спину или скрестив их на груди около пышной орхидеи в петлице, он начинал мертвенным голосом, все более и более нараспев, в особой, только ему одному присущей каденции с замираниями, повышениями и резким обрывом стихотворной строки разматывать клубок необычных, посвоему ярких, но очень часто и безвкусных словосочетаний. Через минуту он всецело овладевал настороженным вниманием публики. Из мерного полураспева выступал убаюкивающий, втягивающий в себя мотив, близкий к привычным интонациям псевдоцыганского, салонно-мещанского романса. Не хватало только аккордов гитары. Заунывно-пьянящая мелодия полутечения-полураспева властно и гипнотизирующе захватывала слушателей».

О лилия ликеров, — о «Сгkme de Violette»¹¹
Я выпил грез фиалок фиалковый фиал¹²...
Я приказал немедля подать кабриолет,
И сел на сером клене¹³ в атласный
интервал...

Затянут в черный бархат, шофер —
и мой клевет¹⁴ —
Коснулся рукоятки, и вздрогнувший мотор,
Как жеребец заржавший, пошел

на весь простор,
А ветер восхищенный сорвал с меня берет.
Я приказал дать «полный». Я нагло приказал
Околдовать природу и перепутать путь!
Я выбросил шофера, когда он отказал.
Взревел! — и сквозь природу —
вовсю и как-нибудь!

Встречалась ли деревня, —
ни голосов, ни изб!
Врезался в чернолесье, —
ни дерева, ни пня!
Когда б мотор взорвался,
я руки перегрыз б!...

Я опьянел грозово, все на пути пьяня!...
И вдруг — безумным жестом
остолблен кленоход:

Я лилию заметил у ската в водопад.
Я перед ней склонился, от радости горбат,
Благодаря за встречу, за благостный исход.
Я упоен. Я вешний. Я тихий. Я грезер.
И разве виноват я, что лилии колет¹⁵

Так редко можно встретить, что путь
без лилий сер?
О яд мечты фиалок, о «Сгkme de Violette»!

Иногда поэт сбрасывает с себя маски,
предназначенные для эстрады, и тогда он уже
не продавец мороженого, не неистовый авто-
мобилист, не кумир публики — просто человек,
и тогда рождаются простые, задушевные ли-
рические стихи:

Будь спокойна

Будь спокойна, моя деликатная,
Робко любящая и любимая:
Ты ведь осень моя ароматная,
Нежно-грустная, необходимая...
Лишь в тебе нахожу исцеление
Для души моей обезвопросенной
И весною своею осеннею
Приникаю к твоей вешней осени...

В феврале 1918 года на вечере в Поли-
техническом музее Игорь Северянин был из-
бран «королем поэтов».

Жизнь поэта после революции сложилась
трудно. В 1919 году, когда он находился в
дачном местечке Эст-Тойла в Эстонии, Эс-
тонская республика отделилась от советско-
го государства, и Игорь Северянин оказался
отрезанным от России. Скоро король поэтов
был забыт у себя на родине, как и другой,
прежний король — Константин Бальмонт.
Только перед Великой Отечественной вой-
ной, когда Эстония снова стала советской
республикой, поэт смог возобновить свои
связи с родиной. Его вспомнили, обещали на-
печатать присланные им стихи и помочь в тя-
желом материальном положении, но стихам
не суждено тогда было увидеть свет: началась
война, и при первых бомбежках загорелось
издательство. Немецкие войска заняли При-
балтику.

Игорь Северянин умер в нищете 20 де-
кабря 1941 года в Таллинне. Теперь на его
могиле надпись — его двустишие:

Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!
ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ (1885-1922)

¹¹ «Сгkme de Violette» (франц.) — фиалковый ликер.

¹² Фиал (греч.) — чаша, кубок.

¹³ Клен: отдельные детали в первых автомобилях делались из дерева — клена.

¹⁴ Клевет (ст.-слав.) — помощник, приспешник, приверженец.

¹⁵ Колет (франц.) — широкий отложной воротник в средневековой одежде.

Мне, бабочке, залетевшей
В комнату человеческой жизни,
Оставить почерк моей пыли
По суровым окнам подписью узника.

Велимир Хлебников.

Хлебникова называют поэтом XXI века. До сих пор не каждый читатель может понять и оценить его из ряда вон выходящее творчество; до сих пор ученые и поэты расшифровывают его стихи.

Выкапывая из недр древнерусского языка забытые корни и суффиксы, поэт создавал новые, непривычные для слуха слова, воплощая их в причудливые, фантастические образы.

Попробуем прочитать одно из его стихотворений, стараясь по ассоциации догадаться о значении новых слов и понять, о чем идет речь. Ниже приводится словарь.

Леляною ночи, леляною грусти
Ее вечеровый озор.
Увидев созвездье, опустим
Мы, люди, задумчивый взор.
Ни шумное крыл махесо,
Ни звездное лиц сиесо,
Они голубой Тихославль,
Они в никогда улетабль,
Они улелят в Никогдабль.
Несутся ночеблей сияной,
Промчались шумящей веяной
По озеру синих инес,
В созвездиях босы,
Где умерла ты.
Нетурные косы,
Грезурные рты.
Река голубого летога,
Усталые крылья мечтога.
Нетурные зовы, нетурное имя!
Они, пролетевшие мимо,
Летурные снами своими,
Дорогами облачных сдвигов
Летели, как синий Темнигов,
Вечернего воздуха дайны
И ветер задумчивой тайны.
Летите к земному вразурью,
Усталые старой незурью,
Даруя дневному нетеж.
Они голубой окопад,
Нездешнее младугой пение.

леляна – от *лелеать*, суффикс -ян-, сравните: – моряна (морской ветер в северных говорах), поляна, Несмеяна, Любляна

сияна – от *сиять*

веяна – от *веять*

озор – облик, вид

махесо – от *махать*, суффикс -ес-, сравните: колесо

сиесо – от *сиять*

Никогдабль, Тихославль – названия несуществующих городов, сравните: Ярославль, Переславль

Темнигов – сравните: Чернигов

ночерный – от *ночь*, сравните: вечерный

инеса – суш. мн. ч. от *иной*, суффикс -ес-, сравните: небеса, чудеса

нетурный – от *не, нет*, суффикс -ур-, сравните: бравурный, скульптурный

грезурный – от *греза*

летурный – от *летать*

летог – от названия реки забвения Леты в греческой мифологии, сравните: чертог

мечтог – от *мечта*

дайна – литовская и латышская народная песня

вразурье, незурь – сравните: лазурь

нетеж – от *не, нет*, суффикс -еж-, сравните: мятеж, рубеж

окопад – от *око*, сравните: водопад, листопад, снегопад

младуга – от *младой*, сравните: радуга

Эти несуществующие слова отражают несуществующий на земле мир, где иные небеса, иные существа, иные города, — там и язык иной.

На этом стихотворении заметна печать символизма.

Хлебникову свойственно масштабное, космическое восприятие мира:

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звезды – невод, рыбы – мы,
Боги – призраки у тьмы.

Хлебников не принимал участия в уличных шествиях футуристов и в триумфальных поездках по стране, не поражал публику скандальными выходками; его не прельщали лавры блистательного короля поэтов Игоря Северянина.

Получив образование на естественном отделении математического факультета в Казанском университете, он был страстно увлечен математическими изысканиями и вычислением законов времени, занимаясь

целыми днями в библиотеке, и погружался в поэзию.

Но эта погруженность не мешала Хлебникову живо интересоваться всем, что происходит в стране. На Февральскую революцию 1917 года он откликнулся стихотворением, полным гражданского чувства:

Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы, с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом на ты.
Мы, воины, строго ударим
Рукой во суровым щитам:
Да будет народ государем
Всегда, навсегда, здесь и там!
Пусть дети споят у окна,
Меж песен о древнем походе,
О верноподданном Солнца –
Самодержавном народе.

Вот отрывки из воспоминаний современников о Велимире (Викторе Владимировиче) Хлебникове.

Бенедикт Лившиц: «В иконографии¹⁶ короля времени» – и живописной и политической – уже наметилась явная тенденция изображать его птицеподобным. В своем неизменном сером костюме, сукно которого свалялось настолько, что, приняв форму тела, стало его оперением, он и в самом деле смахивал на задумавшегося аиста...

«Глаза как тернеровский¹⁷ пейзаж», – вспоминалась мне фраза Бурлюка. Действительно, какая-то бесперспективная глубина была в их жемчужно-серой оболочке со зрачком, казалось, неспособным устанавливаться на близлежащие предметы. Это да голова, ушедшая в плечи, сообщали ему крайне рассеянный вид, вызывавший озорное желание ткнуть его пальцем, ущипнуть и посмотреть, что из этого выйдет...

Сейчас я свободно пишу «гений», теперь почти технический термин, но в те годы мы были осторожнее в выборе выражений – во всяком случае в наших публичных высказываниях. Насчет гениальности Хлебникова в нашей группе разногласий не было, но только один Давид склонял это слово по всем падежам».

Юрий Анненков: «Велимир Хлебников, мой близкий товарищ, был по сравнению с другими

¹⁶ Иконография (греч.) – наука, занимающаяся изучением портретных изображений; также совокупность таких изображений.

¹⁷ Тернер Уильям (1775-1851) – английский художник-пейзажист.

¹⁸ КавРОСТА – Кавказское Российское телеграфное агентство.

поэтами странен, неотразим и патологически молчалив. Иногда у меня – в Петербурге или в Куоккале мы проводили длинные бессонные ночи, не произнеся ни одного слова. Забившись в кресло, похожий на цаплю, Хлебников пристально смотрел на меня, я отвечал ему тем же. Было нечто гипнотизирующее в этом напряженном молчании и в удивительно выразительных глазах моего собеседника... Не нарушая молчания, мы не останавливали нашего разговора, главным образом об искусстве, но иногда и на более широкие темы, до политики включительно».

Эту погруженность Хлебникова в молчаливый разговор художник Юрий Анненков передал в приведенном здесь портрете.

Ольга Самородова: «Шел двадцатый год. Баку только что советизировался. К нам хлынули художники и поэты. Центром большинству из них казалась КавРОСТА¹⁸...

... В октябре или ноябре, прямо с вокзала, туда попал и Хлебников... Хлебников был назначен составлять лозунги и четверостишия для плакатов...

... С непокрытой спутанной гривой волос, бородатый, в замызганной солдатской кацевейке, в опорках, сквозь дыры которых сверкали голые красные пятки, на босу ногу, появился Хлебников в КавРОСТА...

...Все эти подпитавшиеся и приодевшие художники, поэты и «просто граждане» чувствовали себя неуютно рядом с лохматым, бородатым поэтом... Тем более, что сам Хлебников был прост и равнодушен к этой стороне своей особы...

...Никто не проявлял ни малейшего участия в судьбе Хлебникова... А между тем можно было по тем временам помочь голодному, раздетому и разутому Хлебникову...

...В пустой, нетопленной и проходной комнате, укрытый куском расписного холста, очевидно, декорации, спал Хлебников. Кроватью ему служили три ящика. Один из них – клетка из-под кур – был набит его рукописями...

... И брат несколько раз наблюдал такие сцены: Хлебников сидит перед жестяным ведром, в ведерке сырой разбухший горох. Горох плавает в воде, и он вылавливает его

прямо рукой и затем отправляет в рот... По привычке воспитанного человека он даже любезно протягивал ведро с горохом, предлагая отведать... Он был абсолютно беспомощен и беззащитен перед натиском всевозможных житейских мелочей. Жизнь не любит таких людей. Но Хлебников, очевидно, мало думал об этом и шел на удары, не защищаясь, рассеянный и равнодушный».

В такой обстановке проходила напряженная творческая работа, создавались стихотворения и крупные поэмы, продолжались вычисления законов времени.

По возвращении в Москву осенью 1921 года Хлебников продолжает напряженно работать, готовит свои рукописи к печати. Но голодное существование продолжается и в Москве, здоровье ухудшается. Весной 1922 г. друг Хлебникова художник Петр Митурич увозит его в Новгородскую губернию: там после краткого пребывания, можно было получить бесплатный проезд в Астрахань, где можно было жить не голодая. Но вскоре по приезду в Новгородскую губернию Хлебников тяжело заболевает и умирает 28 июня 1922 года. Там, в деревне Ручьи, он был похоронен. Позднее его прах был перевезен в Москву и теперь покоится на Новодевичьем кладбище.

Велимир Хлебников не отказывался, как другие футуристы, от традиций, напротив, он

исконно древнее делал современным. Его стихи и поэмы, иногда провидческие, иногда утопические, содержащие оригинальные философские воззрения на природу и общество, его научный подход к изучению законов времени, его новаторство в поэзии оставили глубокий след в русской культуре XX века и органично вошли в XXI век.

Может быть, поэтому именно его и можно назвать истинным футуристом?

Творчество футуристов многие расценивали как революционное. Но вот мнение великого композитора Серебряного века Игоря Стравинского:

«Зачем перегружать искусствоведческий словарь этим громким термином, обозначающим в самом привычном своем значении состояние смуты и насилия, в то время как есть столько слов, более подходящих для обозначения творческой самобытности? По правде говоря, я был бы в затруднении привести вам из истории искусства хотя бы один факт, который можно было бы оценить как революционный. Искусство конструктивно по самой своей сути. Революция включает идею резкого нарушения равновесия. А искусство противоположно хаосу. Оно не может отдаваться во власть хаоса без того, чтобы сразу же не оказалась под угрозой жизнь его произведений, само его существование».

Коротко
об авторах

Корчикова Софья Леонидовна – доцент кафедры русского языка, Московский государственный горный университет.